

ВИЗУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ШКОЛЫ – ГЕНДЕРНЫЙ КАПКАН

ОЛЬГА АНДРУСИК

Школа – один из самых важных этапов жизни человека. Обучаясь, ребенок проводит здесь тысячи часов, причем они накладываются на период интенсивного становления личности. На первый взгляд кажется, что школьное пространство нейтрально в гендерном плане и организовано для всех детей одинаково. Однако детальный анализ, проведенный в рамках эксперимента¹ в 8-ми учебных заведениях города Харькова и Харьковской области, выявил определенную гендерную асимметрию в организации школы и учебного процесса.

Пространство школы корректно рассматривать как социокультурную реальность, существующую на двух уровнях: а) предписанном (это «системное» пространство, созданное взрослыми; для ребенка оно как данность); б) создаваемом (пространство школы, переопределяемое детьми вследствие установления над ним неформального контроля)².

«Буквально с первого шага пространство школы дает понять девочкам их истинное место – всегда на втором плане, позади мальчиков, за чертой.»

Мы остановимся на первом уровне и поговорим, в основном, о его визуальном срезе (стенды, плакаты, информационные доски и т.п.). Все подобные артефакты – это визуальное отражение норм культуры, влияющие и на детей, и на взрослых.

Например, даже поверхностный анализ показывает доминирование в школьном пространстве негативных посылов: куда чаще предписывается «не делай так», «это плохо», «не смей» и практически полностью отсутствуют позитивные сигналы («это принесёт тебе пользу», «выбор за тобой» и т.п.). А чтобы увидеть в этом гендерный подтекст, мы, надев «гендерные очки», пройдемся по школьным коридорам и кабинетам, заглянем в школьный музей, изучая при этом надписи, повторяющиеся образы и иллюстрации.

Школьная наглядность, размещённая в рекреационных зонах

Первое, что мы видим при входе в школу, это стенды с заголовками «Уголок школьника», «Уголок будущего первоклассника», «Правила ученика». Поскольку в них используется исключительно мужской род, воспринимается это как обращение только к мальчикам – как бы ни старались учебники по языку объяснить нам, что это обращение включает и девочек, и мальчиков, просто так принято в стилистике – ко всем вообще в мужском роде обращаться. Таким образом, буквально с первого шага пространство дает понять девочкам их истинное место – всегда на втором плане, позади мальчиков, за чертой. Как мы увидим далее, это не случайное совпадение, а «возвращенная» системой тенденция.

Практически в каждой школе можно встретить стенд «Ими гордится школа» (название может быть дру-

гое, но суть та же). В младших классах среди тех, кем школа гордится, мальчиков и девочек ещё примерно поровну, но чем старше класс, тем меньше становится фотографий мальчиков. Наши наблюдения позволяют дать минимум два возможных объяснения этому «чуду». Первое: попадание на такой стенд автоматически воспринимается подростковой средой как конформность, а это, в свою очередь, считается «стилем» девочек (недаром они, в силу формируемых с детства качеств – усидчивости, послушанию, умеренной подвижности и т.п. – быстрее адаптируются к поведенческим требованиям школы). Второе возможное объяснение: подобный стенд – это символ борьбы за «место под солнцем», а поскольку система и так благоволит к мужскому полу, рисковать своей репутацией в подростковой среде ради сомнительной выгоды для мальчика оказывается непривлекательным.

А вот какое смысловое значение несут детям стенды «Лучшие спортсмены»: спорт – не женское дело, развиваться физически девочкам не обязательно. Принятие такого стереотипа приводит к физической развитости одних и недоразвитости других (в дальнейшем именно лучшей физической развитостью мужчин объясняют их социальное доминирование в обществе).

Стенды по безопасности жизнедеятельности формируют у детей иные гендерные клише: мальчики – это хулиганы и бузтеры, то и дело создающие опасные ситуации (пожары, заплывы за буйки, выход на тонкий лед, отравления, неправильное обращение с электричеством и т.п.), но они же (те самые или дру-

гие мальчики / мужчины) – это герои, идущие «и в огонь, и в воду», «разруливающие» ранее созданные (ими же) проблемы.

Девочки на таких стендах встречаются куда реже, как правило, с пред-

«Фотографии в классах «возносят на пьедестал» все, что делают мальчики, при этом почти ничего не рассказывают о достижениях девочек.»

метами (утюг, игла, нитки, ножницы), которыми они могут пораниться, занимаясь домашним хозяйством.

Стенды по безопасности жизнедеятельности вовсе не учат детей написанным на них правилам, а, скорее, наоборот: будто бы толкают ребенка сделать так, как нарисовано; выходит, мальчики, следуя таким «подсказкам», могут заплатить жизнью за эфемерную привилегию быть героями.

Анализ наглядных материалов, касающихся **формирования здорового образа жизни**, показал, что почему-то только мальчики изображены

пьющими, курящими, употребляющими наркотики. Но при этом они же закаляются и занимаются спортом! Снова-таки, есть плохой мальчик, который в перспективе может

стать хорошим. О девочках не говорится ничего...

Визуализация **гражданской обороны** подспудно транслирует следующее: если что-то случится, спасти всех смогут только мужчины (хотя в школе таковых обычно человека три-четыре, а иногда вообще нет). Мужчины – и главнокомандующие, и руководители на местах, и спасатели. Такие стенды формируют у девочек представление о том, что в экстремальной ситуации они способны только бежать и кричать «караул» (возможно, одна из причин частой гибели в опасных ситуациях девушек и женщин – как раз неумение себя вести в экстремальных обстоятельствах).

В школах также есть и **«необязательная» наглядность**, то есть созданная по решению педагогического коллектива. Но, несмотря на ее «факкультативный» характер, основные меседжи здесь те же. Если визуальный материал, «спускаемый сверху», в большей степени отражает гендерные стереотипы чиновников системы образования, методистов/-ок, художников/-ниц, то в случае с «необязательным» материалом культурными ретрансляторами выступают другие «значимые взрослые» – администрация школы и педагоги.

Так, например, в одном из анализируемых учебных заведений все стены были «украшены» фотографиями из жизни классных коллективов. Их «смысловой фон» можно описать так: мальчики – активные, физически развитые, раскрепощенные, девочки – пассивные, слабые, скромные. Подобные гендерные сегрегация и стереотипизация наблюдались и на «выпускных» фотографиях.

Школьная наглядность в учебных помещениях

Визуальное пространство **кабинетов начальной школы** закрепляет в сознании детей стереотипы, ранее

увиденные на стендах в рекреационных зонах. Фотографии в классах «возносят на пьедестал» все, что делают мальчики, при этом почти ничего не рассказывают о достижениях девочек.

В средней и старшей школе кабинеты, как известно, закрепляются не за классами, а за предметами. И организованы они приблизительно по единому принципу.

В кабинетах математики стены «украшены» портретами и цитатами выдающихся представителей этой науки. Над учебной доской можно увидеть изображение Пифагора или высказывание Декарта. Только в одной школе мы обнаружили портрет Софьи Ковалевской, но он, осознанно или нет, был размещен в самом конце кабинета – таким образом, что дети его почти не видели.

В кабинетах физики та же ситуация. Над учебной доской – Паскаль или Капица, высказывание Ньютона. И опять-таки, только в одной школе мы увидели портрет ученой (Марии Склодовской-Кюри). Как и в случае с Софьей Ковалевской, он также был размещен «на галерке».

Вывод, который, скорее всего, сделают дети, пребывая в кабинетах математики и физики, будет следующим: эти науки – не для девочек. Как следствие, данные области знаний и достижений могут восприниматься в большей степени как «закрытые», ненужные, недоступные для освоения девочками. Да что там говорить: достижения женщин не представлены даже **в кабинетах украинского языка и литературы**, хотя филология традиционно считается «женской территорией»!

Конечно же, такая предвзятость объясняется незавидным социальным положением женщины в минувшие исторические периоды: как известно, доступ лиц женского пола был затруднен не только в политику и бизнес, но также в образование и науку, следова-

«Привыкнув с детства быть на вторых ролях, не проявлять особой активности, не рисковать, всего бояться и быть послушными, девочки с большей вероятностью избегнут в жизни «неприятных инцидентов», но и достигнуть социального успеха, умения действовать в нестандартной ситуации с таким «фундаментом» им будет непросто.»

тельно, у них было куда меньше шансов оставить яркий след в истории интеллектуальной мысли.

И наиболее показательным в этом плане как раз является визуальное пространство кабинетов истории. Оно всячески убеждает детей в том, что женщинам в истории места нет (разве что на ее задворках), что они могут войти в историю только чьими-то жёнами, дочерьми, сёстрами (хотя, если как следует поискать, в каждой предметной области можно найти немало примеров достижений женщин). Описанный выше посыл способен закрыть перед ученицами огромное количество возможностей самореализации, уничтожить веру в свои силы.

Не для девочки, разумеется, и военное дело – таков основной ме-

седж кабинетов начальной военной подготовки. Если та всё же захочет строить военную карьеру, для этого ей придется опираться исключительно на общепринятые маскулинные образцы поведения.

Нередко предписанное пространство школы изначально предполагает гендерную сегрегацию. Например, в школьных музеях есть разделение (пусть и скрытое) на мужскую и женскую половины: в той части музея, где представлен домашний быт, находятся, например, образцы женской одежды, а там, где речь идёт о ремёслах, подвигах и достижениях, показывают одежду для мужчин.

Но куда более показательным является другой пример. Начиная с 5-го класса, не спрашивая, кто и чем хочет заниматься в жизни, по половому признаку распределяют детей на уроках труда. В разных кабинетах девочки и мальчики оттачивают совершенно непохожие друг на друга трудовые умения и навыки, во многом определяя, тем самым, свою будущую карьеру и уровень дохода. Исходя из содержания дифференцированного трудового обучения, девочки должны заниматься домашним хозяйством, низкооплачиваемым обслуживающим трудом. Мальчиков учат «дружить» с техникой, стимулируют к творчеству, изобретательству, словно готовя их к престижным, масштабным и высокооплачиваемым видам деятельности. Очевидно, что именно в школьных кабинетах

труда закладываются основы дискриминации девочек в профессиональной сфере.

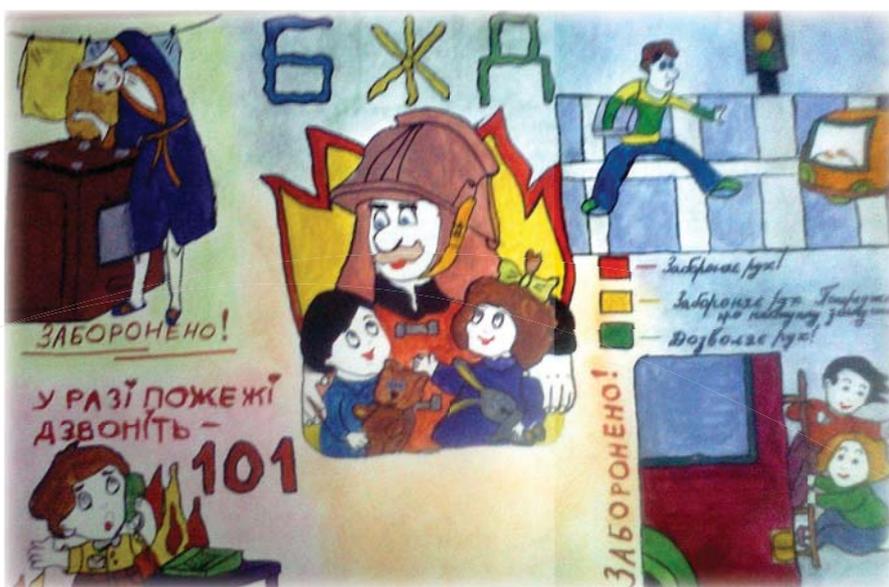
Раны от капкана

Усваивая типичные для женщин и мужчин роли, транслируемые школьной наглядностью «от взрослых» (яркие и цветные картинки действуют на детей как манящий нормативный шаблон, который подсознательно непременно хочется повторить), мальчики и девочки переносят наиболее распространенные и узнаваемые визуальные образы в свое реальное поведение, в материально-предметную сферу (исходя из познанных образов, ребенок даже выбирает себе ручки, карандаши, портфели, тетради и т.п.), в творчество, тем самым ещё больше закрепляя стереотипы в своём сознании.

Выводы

Для визуального пространства школы характерна гендерная сегрегация. Мальчики и девочки задействованы в ней по-разному – почти всегда порознь и, как правило, с опорой на гендерные стереотипы: мальчики «вращают Землю», девочки выступают в образах «тихонь» и домохозяйек; первые более видимы, активны, смелы и сильны, вторые – невидимы, пассивны, безвольны и несамостоятельны.

Разумеется, влияние визуального пространства на ребенка также будет гендерно дифференцированным. Привыкнув с детства быть на вторых ролях, не проявлять особой активности, не рисковать, всего бояться и быть послушными, девочки с большей вероятностью избегнут в жизни «неприятных инцидентов», но и достигнуть социального успеха, умения действовать в нестандартной ситуации с таким «фундаментом» им будет непросто. С мальчиками иная история: постоянная нацеленность на достижения, исследовательская активность, готовность рисковать, скорее всего, сделают своё хорошее дело, но по той же причине вероятность столкновения мальчиков с экстремальными жизненными опасностями является неоправданно высокой.

¹ Подробнее см. <http://krona.org.ua/novini-czentru.html>.

² Марущенко О., Плахотник О. Гендерні шкільні історії. – Харків: Монограф, 2012. – С. 23-28.